

10-ый день 8-го месяца 2812 года, согласно календарю Западного Континента.

- Это то самое место?

Солнце уже давно миновало точку зенита, и день близился к закату, когда Рёма в компании сестер добрался до нужного ему места. Он стоял перед входом в длинный узкий переулок, который, несмотря на соседство с главной улицей, выглядел невероятно темным и мрачным.

- Все верно, именно здесь и торгуют рабами.

Рёма кивнул, выслушав объяснение Роры, и решительно шагнул во тьму переулка.

...

- Мое почтение, милорд! Вы раньше у нас не бывали? Невероятно польщен вашим визитом. Для меня большая честь видеть вас здесь. Я владею самой крупной точкой по продаже рабов во всем Эпирозе. Здесь вы сможете найти товар на любой вкус: дешевая рабочая сила, рабы для сексуальных утех и даже военные рабы! Гарантирую, что только здесь вы сможете приобрести сколько угодно рабов для самых разных целей. Любое желание клиента закон для каждого из нас, сир, – почтительно склонился перед Рёмой высокий толстяк, чье лицо украшали усы впечатляющих размеров.

Очевидно, это был сам владелец этой торговой точки. Здесь повсюду были рабы – изможденные люди, скованные по рукам и ногам цепями. Юноша кожей ощущал направленные на него и его спутниц взгляды множества помертвевших тусклых глаз. В сравнении с этими несчастными, торговец, чьи глаза мерцали золотом, как у кота, объевшегося сметаны, являл собою разительный контраст. Это был довольно высокий, хотя все же ниже Рёмы, и очень тучный мужчина, на чьей широкой физиономии лежала печать жадности и порока. Работорговец был облачен в длиннополый халат с богатой вышивкой, а его толстые пальцы были унизаны кольцами и перстнями. На поясе у мужчины висел длинный кожаный кнут, который, как несложно было догадаться, предназначался для наказания своевольных рабов. Кожа на рукоятке кнута была очень гладкой и лоснящейся, из чего следовало, что это орудие наказания довольно часто применялось по назначению.

- Я ищу рабов, – сдержано произнес Рёма, стараясь скрыть свои истинные эмоции.

Если бы Сара и Рора вовремя не ухватили его за одежду, юноша точно набросился бы на этого мерзкого типа с кулаками. Но сам работорговец, как будто, совершенно не заметил этой вспышки гнева у клиента и продолжал разглагольствовать, как ни в чем не бывало:

- О, премного благодарен вам за то, что обратили внимание на мою скромную персону. Итак, милорд, вам нужны невольники для работы, верно? А может, вы ищете экзотических рабынь для любовных утех? Если же речь пойдет о военных рабах, то тут вынужден вас огорчить, количество товара крайне ограничено. Итак, скажите, чего желает ваша душа, и я с радостью

исполню все ваши прихоти!

Работорговец расплылся в одной из своих самых сладких улыбок и в предвкушении потер руки. Несмотря на облик медлительного тугодума, этот мужчина оказался бойким, энергичным, а самое главное, очень предприимчивым торговцем. Он был очень услужлив и всеми силами пытался угодить своим клиентам, исполняя все их прихоти. Этот человек был прирожденным торговцем, и его умениями можно было бы восхититься, если бы не выбранное им ремесло. Кроме того, этому мужчине нельзя было отказать в наблюдательности и сообразительности, поскольку лишь немногие люди смогли бы с первого взгляда признать в Рёме благородного дворянина. В конце концов, во внешнем виде юноши не было ничего такого, что указывало бы на его статус. Из одежды он предпочитал простые брюки, шелковую рубашку и плащ, которые надевал на встречу с графом Зальцбергом, а украшений и вовсе не носил.

- Мне нужна большая партия рабов. Но у меня есть ряд определенных требований. Во-первых, это должны быть рабы обоого пола, возрастом от десяти до пятнадцати лет. Соотношение между рабами мужского и женского пола должно быть примерно равным. Во-вторых, сейчас я хочу приобрести около трехсот человек... Если же у тебя не получится набрать нужное мне количество людей, то ты всегда можешь бросить призыв другим работорговцам, и вы общими усилиями справитесь с этой задачей.

Торговец несколько раз глупо хлопнул глазами – настолько необычным и неожиданным был запрос, который сделал его новый клиент.

- Сир, прошу простить мне мою дерзость, но разве рабы в этом возрасте подходят для тяжелой и изнурительной работы? Я думаю, вам лучше остановить свой выбор на рабах, чей возраст не превышает двадцати лет... Они гораздо сильнее и выносливее, чем невольники десяти-пятнадцати лет, которые просто не выдержат большой нагрузки... Нет, конечно, вы, может быть, ищете разовую рабочую силу, но, по моему скромному мнению, это очень невыгодное вложение капитала... То же самое и с секс-рабами... Вам не кажется, что двадцатилетние обладают лучшими внешними данными и большим опытом, чем десятилетние? И потом – триста человек?... Без ложной скромности заявляю: я – самый крупный поставщик живого товара во всем Эпирозе, но даже мне не под силу выполнить такой заказ... Прошу прощения, но что вы собираетесь делать с таким огромным количеством рабов?

Рёма, не мигая, уставился на работорговца. Всем известно, что рабов можно использовать для ведения сельского хозяйства – там невольники исполняют роль бессловесных и покорных орудий труда. И ценность таких рабов, в первую очередь, зависит от их силы и выносливости. Для тяжелой работы всегда охотнее выбирали взрослых мужчин, а не женщин, и уж тем более, не детей. Изредка, конечно, покупали и женщин для работы в поле, но их цена была гораздо ниже, чем за рабов мужского пола. Поэтому, для работорговца, который уже очень долго вел свой бизнес и успел многое повидать, запрос Рёмы оказался неожиданным и очень странным. Зачем этому юноше рабы-дети? Он, по крайней мере на первый взгляд, не похож на человека с комплексом Лолиты. Нет, все-таки очень странное требование. А ведь рабы в таком возрасте не только не обладают выдающимися физическими данными, но еще и едят сверх меры. Растущий организм, как-никак... Иными словами, такие рабы вообще не окупят той суммы, что будет потрачена на их прокорм. Вот работорговец и терзался от любопытства, зачем кому-то проворачивать настолько невыгодную сделку. Однако клиент не только не удовлетворил его интерес, но и так посмотрел на него, что душа работорговца ушла в пятки.

- А вот это уже не твое дело, не так ли? – холодно отрезал Рёма.

От звука его голоса вздрогнул не только работорговец, но и сестры Марфисто, которые старались держаться за спиной юноши. Рёма никогда не повышал голос, напротив, он всегда говорил спокойно, тихо и размеренно. Тем не менее порой его голос звучал так, что у человека создавалось впечатление, будто его горла коснулась холодная сталь клинка. Работорговец был не так глуп, чтобы не услышать скрытой угрозы в ледяном тоне клиента.

"С каким же наслаждением я бы тебя выпотрошил, жирная свинья..."

Помимо воли, в сознании работорговца возникла картина его скорой и, безусловно, очень мучительной смерти. До сих пор, лишь он был наделен правом отнимать жизнь у других. На его счету было бессчетное количество жертв: старые рабы, непокорные мятежники, рабы, лишившиеся какой-либо конечности или подцепившие заразную инфекцию... и дети. Работорговца больше всего на свете раздражали дети, которые были очень слабы, а значит, их продажа не могла принести большую прибыль.

Обычно он сковывал детей по рукам и ногам и ставил их на самое видное место. Охотнее всего богатые клиенты, конечно, покупали подростков, которые уже практически сформировались и обладали какой-никакой физической силой. Но, даже при условии, что торговля шла очень бойко, на некоторых детей не находилось своего покупателя. В таком случае работорговец, как он сам выражался, "устранял залежавшийся на полках товар". Он делал это специально для того, чтобы избежать трат на еду для нераспроданных детей, поскольку считал, что любой лишний рот проедает брешь в его бюджете. Сам же он, как и многие его собратья по ремеслу, любил жить на широкую ногу и буквально купаться в роскоши.

Кроме того, работорговец совершенно не считал, что поступает жестоко. Напротив, он думал, что имеет все основания избавиться от "бракованного товара". В жестоком мире рабства, никто не считал невольников за людей... И работорговцы, и рабовладельцы видели в них лишь бессловесные и покорные их воли предметы, полностью лишённые человеческих эмоций. Вот почему торговец не испытывал ни капли жалости, убивая неугодных ему рабов. Но сейчас, взглянув в глаза этого странного юноши, толстяк увидел в них ту самую жестокость, с которой всегда смотрел на своих рабов.

- Нет-нет, ваше сиятельство, я не хотел вас обидеть. О, прошу, умоляю, простите меня! Это все мой дурной язык... Разумеется, это не мое дело... Простите, прошу, простите старого глупца! Я не хотел вас оскорбить! Я навеки ваш покорный слуга и готов на все, лишь бы искупить вину! – заголосил торговец, бухаясь перед Рёмой на колени и пытаясь униженно поцеловать ему руку.

Они уже успели достаточно далеко отойти от рядов рабов, поэтому торговец мог не опасаться, что кто-то из них увидит его унижение. Но, откровенно говоря, мужчина в тот момент меньше всего думал о свидетелях. Он всеми силами старался искренне вымолить прощение у этого молодого дворянина, поскольку понимал: иначе ему не жить. Ошибочно было предполагать, что мужчина так пресмыкался лишь из-за наличия благородного титула. Нет, даже если бы Рёма был обычным простолюдином, работорговец точно так же горячо молил бы его о прощении. Все дело было в том, что от юноши исходила такая угрожающая сила, что торговец

был бы последним глупцом, позволив себе ее проигнорировать.

- Рёма-сама... – прошипела из-за спины юноши Рора, с силой вцепившись в его плащ. Откровенно говоря, сестры сами готовы были убить работорговца, поскольку состояние находящихся здесь рабов произвело и на них гнетущее впечатление.

Эти люди, чьи немытые тела были покрыты сеткой застарелых и свежих шрамов, жили в постоянной нищете и грязи! Облаченные в одни дырявые лохмотья и со спутанными грязными волосами, они, казалось, даже и не знали, что существует такой предмет, как ванна. Детям повезло чуть больше, поскольку у них было хоть какое-то нижнее белье. Остальным же одежду заменяло старое грязное тряпье, а некоторые и вовсе были полностью обнажены. Свет и жажда жизни давно исчезли из глаз этих замученных и изнуренных людей. Теперь в их мертвых глазах отражалась лишь тупая покорность своей судьбе.

Хотя Сара и Рора когда-то тоже носили оковы рабства, все же сестер всегда отличало их происхождение, поскольку они родились и воспитывались в доме благородного рыцаря. Но самое главное, обе девушки были настолько красивы, что никто и никогда не смел с ними обращаться так, как обращались с этими рабами. Теперь даже тот купец, который в свое время купил их, казался сестрам Марфисто добрым и милосердным человеком. Ну, то есть, если сравнивать его и этого толстяка, который продолжал унижаться перед Рёмой.

- Рёма-сама... Не нужно... – снова потянула юношу за плащ Рора.

- Я знаю, Рора, знаю... Все в порядке... Я знаю, что не должен идти на поводу у своего внутреннего голоса... – успокоил девушку Рёма, старательно сдерживая свой гнев.

"Спокойно... Нужно держать себя в руках... Главное не выходить из себя, и все будет хорошо! Если я сейчас же не успокоюсь, то вообще никого не смогу спасти".

Стоило ему войти в этот темный переулок, как его сердце мгновенно переполнилось злобой и ненавистью. С каждым шагом, его все больше и больше душило бешенство, которому юноша старался не дать выхода. В первую очередь это было связано с тем, что Рёма и его спутницы находились на территории, которой оказывал свое покровительство граф Зальцберг, а это означало, что работорговля ведется с разрешения правителя форта. Если Рёма причинит вред хоть одному работорговцу, его обвинят в покушении на жизнь одного из слуг графа. На данный момент юноша еще не обладал реальной властью. Прекрасно понимая свое нынешнее положение, он всеми силами старался не обращать внимания на окружающие его боль и страдания, хотя порой истинные эмоции все же брали над ним верх. Последнее высказывание работорговца заставило Рёму забыть о рассудительности и сдержанности. Только по чистой случайности он сразу не схватился за меч, а иначе торговцу было бы несдобровать.

- Довольно... Можешь встать с колен...

- Д-да, конечно... Б-благодарю, ваше сиятельство...

Мужчина тут же угодливо поднялся с колен. Теперь он старался тщательно следить за тем, что говорит, опасаясь еще раз разгневаться опасного молодого дворянина. Так ведь и головы лишиться можно!

- Повторяю еще раз... Мне нужно триста человек рабов обоего пола, возрастом от десяти до пятнадцати лет. Можешь это устроить? – спокойно произнес Рёма.

- Конечно! Почту за счастье угодить вам, милорд! Предоставьте это мне, и все будет организовано в лучшем виде! Не извольте беспокоиться! Я в лепешку расшибусь, но выполню ваш заказ! – быстро затараторил торговец, угодливо глядя Рёме прямо в глаза. В этот раз, он даже не пытался переубедить своего клиента, поскольку опасался за свою жизнь.

- Рад, что ты меня понял. Но не будем отвлекаться. Итак, во сколько мне обойдется покупка трехсот человек?

- Видите ли, цена зависит от возраста и пола раба...

- Сколько? – с нажимом повторил Рёма, показывая, что начинает терять терпение.

- Как насчет 1,5 миллиона батов?

Это означало, что за одного человека торговец запрашивал 5000 бат. Если конвертировать эту сумму в японские иены, то стоимость одного раба составит 100 000 иен. Рёма подумал, что работорговец умышленно занижил цену из-за его вспышки гнева. Но поскольку юноша был совершенно не знаком с расценками рынка рабов, то решил согласиться с ценой.

- Прекрасно... Когда я получу свой заказ?

- Я при всем желании не смогу немедленно доставить вам такое количество товара! Прошу, войдите в мое положение и дайте мне, скажем, неделю срока!

- Договорились. Куда вы мне их доставите?

- Сожалею, но вряд ли сделку удастся осуществить в городе... Как насчет пригорода Эпироза?

И правда, сложно представить, что триста человек смогли бы уместиться в этом тесном и темном переулке. Нужно осуществить передачу людей в каком-нибудь более просторном месте.

"Ну, нам ведь все равно придется выбраться в пригород, чтобы заняться подготовкой и обучением людей. К северу от города протекает граница с полуостровом Вортения, а на западе – с королевством Залда... Наверное, логично стать лагерем в пригороде с восточной стороны...

Определенно, так и сделаем..." – мысленно прикинул Рёма.

- Я бы предпочел встретиться на восточной окраине города... Я заплачу половину суммы сейчас. Остальное получишь, когда доставишь мне товар. Договорились? – с этими словами Рёма взял у Сары мешочек с золотом и подал его работорговцу, даже не потрудившись пересчитать монеты.

- В этом мешочке 750 000 бат. Можешь проверить. А как закончишь, принеси мне расписку.

- Одну секундочку, сир, одну секундочку! – и работорговец прытко скрылся внутри своей лавки.

Совсем скоро он вернулся, потрясая распиской. Мужчина так и не осмелился пересчитать деньги. Ни один работорговец никогда не допустил бы такой халатности, но сегодня он был слишком напуган и взволнован.

- Вот и все... Тогда, встретимся через неделю?

- Да, милорд! Премного благодарен за вашу доброту! Не сомневайтесь, через неделю получите ваш заказ в лучшем виде!

Рёма стремительно вышел из лавки, не обратив никакого внимания на низкий поклон работорговца. Меньше всего на свете ему хотелось и дальше оставаться в этом месте. Каждую секунду ему приходилось бороться с собой, не позволяя ярости прорваться сквозь напускное равнодушие. Лавка этого работорговца была средоточием такой жадности, злости и безысходности, что к горлу юноши постоянно подкатывала тошнота.

Втроем они, как можно быстрее, выбрались из злосчастного переулочка и, только очутившись на широкой освещенной главной улице, смогли облегченно вздохнуть.

- Все хорошо, Рёма-сама? – обеспокоенно спросила Рора, легонько тронув юношу за локоть.

- Да, все в порядке, не волнуйся. И вообще забудь обо мне... Как вы сами, нормально?

Сестры одновременно кивнули, но лица обеих девушек, как будто, окаменели.

- Наверное, сегодня мы столкнулись с темной стороной этого мира...

Несмотря на то, что Рёма имел неплохое представление о системе работорговли, действительность оказалась гораздо более пугающей и мрачной.

"Я обязательно изменю этот мир! Полностью изменю!" – мысленно поклялся себе юноша.

То, чему он сегодня стал свидетелем, было обычной реалией этого мира. И эта темная неприглядная сторона здешней действительности была лишь верхушкой айсберга.

<http://tl.rulate.ru/book/7976/371264>